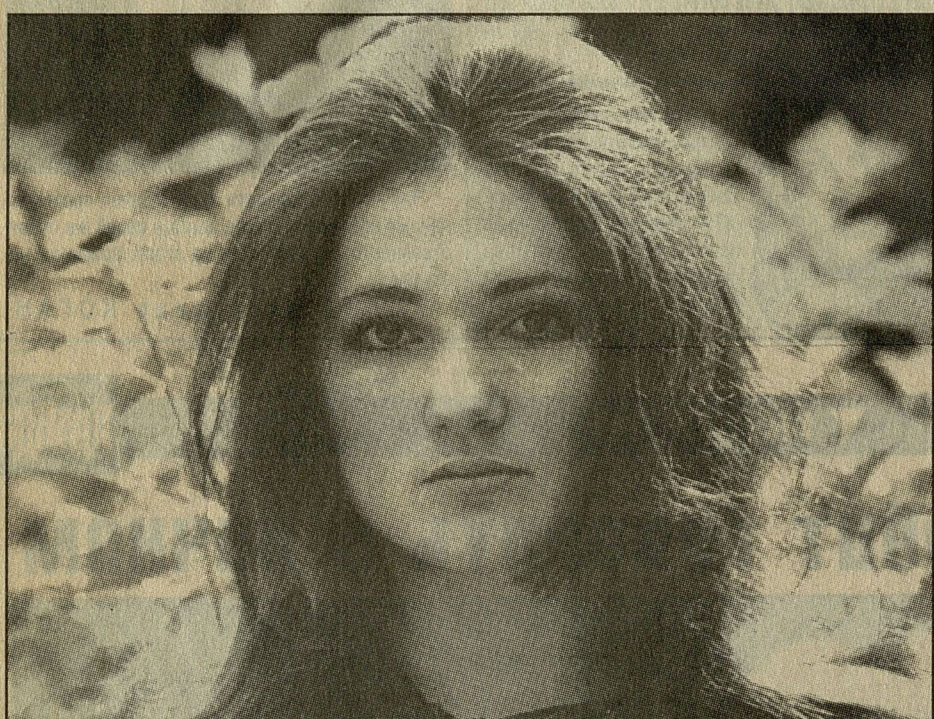

В далеком, нереальном, почти уже мифическом 82-ом (когда подорожала колбаса и умер Брежнев), мы с моим приятелем имели неосторожность зайти – именно зайти, а не пойти – в театр Оперетты. Мы зашли туда ненадолго, на пару часиков, на один вечерок – надо было скоротать время до отхода поезда, увозившего моего приятеля, молоденького тогда лейтенанта, в город Борисоглебск «на побывку» к любимой девушке. Мы зашли на один вечерок, а остались – на жизнь. И поезд ушел в город Борисоглебск без моего приятеля. Потому что не смог он встать и уйти посреди спектакля, когда на сцене была Она. Она – это Лилия Амарфий. Женщина. Актриса. Звезда.

Лилия Амарфий:

Над ролью мучаюсь всегда...

– Лилия, в каком возрасте вы впервые поняли, что не можете не быть актрисой?

– Когда мне было шесть лет. Я это поняла как-то сразу и как-то очень отчетливо. С тех пор любимейшим предметом моих раздумий стал театр. С мыслью о театре я засыпала, с нею, как вы догадываетесь, я и просыпалась.

– А с какой мыслью вы засыпаете и просыпаетесь теперь?

– Вы знаете, я очень консервативный человек. Да и потом привычка – страшное дело. В общем, мысли о театре сопровождают меня и по сей день.

– Я знаю, вы родились в Молдавии, в небольшой городке неподалеку от Кишинева...

– Да я почти односельчанка Сильвы, девушки с Козьего Болота! Она же просто моя соседка! Молдавия, Румыния, Венгрия – это ведь все очень близко. Может, поэтому Сильва – любимая роль. И хоть долго я с ней мучилась, но все-таки осилила, сыграла.

– И часто вы мучаетесь над ролью?

– Над ролью я мучаюсь всегда. Но это мучение – особое. Мучение, которое приносит радость. Роль нельзя оставлять. Вот ее сделал раз и навсегда – такого не бывает. Роль всегда надо работать. Дорабатывать всю жизнь. Всю жизнь.

– Значит, одну и ту же роль каждый раз вы играете по-другому?

– Каждый спектакль надо придумывать себе что-то новое, что-то сиюминутно рожденное. Я не даю себе права остывать и не думать о своих ролях. Я всегда о них думаю. Мне это очень интерес-

но. И мне скучно, когда я прихожу на спектакль без какого-то нового решения хотя бы малюсенькой сценки.

– Бывало так, что вы уходили из спектакля на стадии репетиций, если роль не получалась?

– Бывало по-разному. Но я всегда готова к работе, готова к эксперименту. На репетиции я – чистый лист. Режиссер может писать на нем все, что хочет. Но он мне должен объяснить, что он хочет. Он должен объяснить мне логику того, что мы делаем, логику роли. Иначе я просто не буду знать, что мне играть.

– Вы можете заявить режиссеру о своем несогласии с его трактовкой образа?

– Вы знаете, на репетиции я очень долго молчу, пытаюсь понять, что от меня требуется. Но если я начинаю понимать, что роль не складывается... ну, не возникает ничего внутри, не возникает, понимаете?... Тогда я, конечно, скажу. И скажу все.

– Лилия, театр, как вам лучше меня известно, – это террариум единомышленников. В борьбе за роль настоящий артист пойдет до конца, не щадя ни себя, ни окружающих. Насколько далеко можете зайти в этой борьбе вы?

– А мне не надо куда заходить и за что-то бороться. У меня и так – все главные роли (смеется). Вот только «Веселую вдову» пока не играю. Но в этом сезоне обязательно буду играть. А если говорить о конкуренции и о том, почему одного актера назначают на какую-то роль, а другого нет?... Ну, режиссер так «видит». Одного «увидел», другого «не увидел». Дело вкуса, в общем. Рулетка.

Меня когда-то не назначили на роль **Роксаны** в «Неистовом гасконце», а мне очень хотелось ее сыграть. Но не «увидел» меня режиссер, вот и все! Что ж, мне зрение надо было ему поправлять? Я не окулист.

– Во взаимоотношениях с режиссерами есть, мне кажется, еще одна трудность: некоторые из них в качестве творческой концепции исповедуют принцип натурального обмена. Они отдают вам роль в своем спектакле, а вы им...

– А я им – свое тело, талантливое и прекрасное? (смеется). Нет, с режиссерами Бог как-то миловал. А вот с партнерами иногда бывают истории... Один наш артист как-то прочел про себя в газете статью, которая его не сильно порадовала: что-то не то про него написали. На этой почве он сильно перевозбудился и, выйдя на сцену, начал меня откровенно лапать.

– Как же вы на это отреагировали, Лилия?

– Первые несколько секунд я от неожиданности даже не поняла, что происходит. А потом схватила половник (мне по роли полагался половник) и попыталась этим половником своего любвеобильного партнера убить.

– И чем дело кончилось?

– Мой партнер очень любил жизнь и поэтому убежал. В общем, спектакль мы доигрывали без главного героя...

– Лилия, я бы хотел немного отвлечь вас от этих радостных воспоминаний и поговорить о грустном. Вам не обидно, что существует некоторая разница в оплате труда наших и западных звезд? Ведь вы не получаете 10 миллионов долларов за роль в мюзикле, как, например, Барбара Стрейзанд?

– Беда наша в том, что у нас «фабрика звезд» существует только в телевизионном, иначе говоря, виртуальном варианте. Там – это целая инфраструктура. А у нас и слово-то это – не все выговаривают. На Западе в человека, если видят в нем хотя бы некоторый талант, вкладывают огромные деньги, «раскручивают» его. Зная при этом, что все эти усилия не напрасны, что они принесут огромную прибыль. Нам же – плевать на все! Сколько прекрасных, выдающихся артистов, закончив свою театральную карьеру, доживают свою жизнь в нищете!.. Не хочу даже об этом говорить.

– Лилия, а для вас важны слава, известность, признание?

– Понимаете, наша профессия состоит в том, чтобы нас знали. Это как итог, как выражение любви какой-то... Артист должен знать, что его любят. Такая у нас профессия.

Александр КОГАН.

